

Мильтон Джон

**О свободе печати.
Ареопагитика**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д42

Д42 **Джон М.**
О свободе печати. Ареопагитика / Мильтон Джон – М.: Книга по Требованию,
2022. – 71 с.

ISBN 978-5-519-96581-1

ISBN 978-5-519-96581-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Совершенно неправильно, поэтому, думать, будто «короли имѣютъ на свое достоинство и корону такое же наследственное право, какъ каждый изъ насъ на какое-либо имущество; утверждать это значитъ приравнять подданныхъ къ рабамъ и домашнему скоту короли; это—предательство противъ достоинства человѣческаго рода».

Съ другой стороны, совершенно неосновательны всѣ утвержденія о божественномъ происхожденіи королевской власти. Королевская власть—«человѣческое установленіе». «И если многіе современные монархи, — замѣчаетъ Мильтонъ словами Кальвина, — провозглашаютъ себя въ своихъ титулахъ королями Божіею милостію, то они дѣлаютъ это исключительно затѣмъ, чтобы править неограниченно. На самомъ дѣлѣ это ихъ утвержденіе—чистѣйшій обманъ».

Наконецъ, такъ какъ короли получили свою власть отъ народа, то само собой понятно, что народъ, поставившій королей, «имѣетъ право и низлагать ихъ, даже если они и не превратились въ тирановъ»: «король не равенъ народу, онъ—меньше его».

Тѣмъ болѣе это слѣдуетъ сказать по отношенію къ тиранамъ. «Тиранъ это—тотъ, кто, не соблюдая ни законовъ, ни принципа общаго блага, правитъ исключительно въ своихъ собственныхъ интересахъ и въ интересахъ своей партіи». Вотъ почему, если «справедливый король является великимъ благомъ и счастьемъ, общимъ отцомъ своей страны, то тиранъ является для нея несчастіемъ, общимъ врагомъ». Это—«самый отвратительный червь на землѣ»; это — «лишь маска настоящаго короля»; это — «чума, противъ которой народъ имѣетъ право принимать рѣшительно всякія мѣры» ¹⁾.

Такимъ именно тираномъ и былъ, въ глазахъ Мильтона, король Карлъ Стюартъ, призванный народомъ на судъ и осужденный имъ на казнь. Народъ не долженъ, поэтому, изумлять суровый приговоръ, произнесенный Мильтономъ надъ казненнымъ королемъ; народъ не должно

¹⁾ См. *The tenure of kings and magistrates*, которымъ мы главнымъ образомъ пользовались при изложеніи ученія Мильтона о народномъ суверенитетѣ.

изумлять, что Мильтонъ оказался совершенно чуждъ того великодушія, которое столь естественно охватываетъ каждого изъ насъ передъ только что закрывшеюся могилой.

«Ни одинъ король,—говоритъ Мильтонъ,—не возбудалъ со стороны своего народа столько единодушной любви при своемъ вступленіи на тронъ, и ни одинъ народъ не получилъ худшей награды за свою вѣрность и расположеніе. За всю его преданность король Карлъ заплатилъ народу, съ одной стороны, недовѣріемъ и боязнію, какъ бы права и вольности этого народа не нанесли ущерба и не стѣснили его деспотической власти, съ другой—ненавистью къ тѣмъ, кто защищалъ и проповѣдывалъ свободу» ¹⁾.

Въ виду этого, напрасно нѣкоторые стараются изобразить Карла Стюарта мученикомъ и святымъ, истиннымъ отцомъ своего народа. Тотъ, кто дѣлаетъ это, обманываетъ англійскій народъ. Карлъ Стюартъ не былъ ни святымъ, ни мученикомъ, ни отцомъ своихъ подданныхъ; это былъ политическій интриганъ, ковавшій ковы противъ собственнаго народа, чловѣкъ, не знавшій удержа своему произволу, попиравшій законы, преслѣдовавшій за религіозныя убѣжденія и готовый пожертвовать всѣмъ во имя своего собственнаго интереса и интереса своихъ любимцевъ ²⁾.

Карлъ Стюартъ былъ тиранъ, и англійскій народъ былъ, по мнѣнію Мильтона, правъ, предавъ его казни. Не порицанія или осужденія заслуживаетъ, вслѣдствіе сказаннаго, этотъ народъ, а всеобщаго изумленія, и «никогда еще ни одинъ монархъ не блисталъ такъ на своемъ тронѣ, какъ англійскій народъ въ то время, когда онъ рѣшилъ предать достойной его участи короля или, вѣрнѣе говоря, короля-врага» ³⁾.

Зрѣлище народа, сбрасывающаго съ себя цѣпи, вызываетъ въ Мильтонѣ восторженное изумленіе, и онъ патетически восклицаетъ: «Мнѣ кажется, будто передъ моими умственными очами встаетъ славный и могуще-

¹⁾ *Eikonoklastes*, гл. XI.

²⁾ *Ibid.*

³⁾ *Defensio prima*, введѣніе.

ственный народъ, мгновенно стряхивающій съ себя сонъ, подобно сильному мужу, потрясающій своими непобѣдимыми кудрями; мнѣ кажется, я вижу его подобнымъ орлу, вновь одѣтому опереніемъ могучей молодости, воспламеняющимъ свои зоркіе глаза отъ полуденнаго солнца, очищающимъ и просвѣтляющимъ свое долго помраченное зрѣніе въ самомъ источникѣ небеснаго свѣта!»

Пусть тѣмъ временемъ трусы и враги, со страхомъ взирая на его поступки, предсказываютъ ему тысячи бѣдствій. Пусть,—Мильтонъ не боится этого. Онъ вѣритъ въ то, что англійскій народъ—избранный народъ; что близится жатва, и недалеко уже время, когда «не только семьдесятъ старѣйшинъ, но и весь народъ сдѣлается пророками Божиими». Онъ убѣжденъ, что самъ Богъ руководитъ дѣяніями англійскаго народа, что не кто иной какъ самъ Богъ руководилъ имъ и въ томъ случаѣ, когда онъ осудилъ своего короля на смерть: «ибо,—говоритъ Мильтонъ,—въ премудрости своей Богъ нерѣдко предастъ гибели неправедныхъ и слишкомъ превозносящихся монарховъ»¹⁾. Согласно духу времени, англійская революція получаетъ, такимъ образомъ, въ глазахъ Мильтона высшее религіозное освященіе.

Произнося свой рѣшительный приговоръ надъ абсолютизмомъ Стюартовъ, Мильтонъ не менѣе рѣшительно высказывается и противъ королевской власти вообще.

Правда, онъ отдаетъ должное законной монархіи и, какъ мы уже видѣли, называетъ справедливаго короля величайшимъ благомъ для народа; правда, онъ категорически заявляетъ, что, выступая противъ тираніи, онъ не касается королей, такъ какъ между королями и тиранами нѣтъ ничего общаго²⁾; тѣмъ не менѣе не за королевскую власть подаетъ онъ свой голосъ. «Какъ справедливо сказалъ одинъ придворный поэтъ, — замѣчаетъ Мильтонъ, — король это — большой нуль, безъ всякой цѣли поставленный передъ рядомъ значащихъ цифръ. И великое счастье и благо для народа, если его король дѣйствительно только нуль, такъ какъ часто онъ является для него настоящимъ бѣдствіемъ, настоящимъ

¹⁾ *Defensio prima*, *ibid.*

²⁾ *Defensio secunda*, I. c.

бичомъ Божиимъ,—въ особенности потому, что его нельзя ни предать суду, ни подвергнуть наказанію безъ того, чтобы это не грозило опасностью великихъ потрясеній и почти гибелью для цѣлой страны» ¹⁾).

Какое безуміе, поэтому, возлагать заботы объ общемъ благѣ на плечи одного человѣка, который, «если онъ случайно хорошъ, не можетъ сдѣлать больше, чѣмъ всякій другой человѣкъ; если же онъ дурень, то можетъ принести зла гораздо болѣе, чѣмъ миллионы другихъ людей». «Какое безуміе со стороны тѣхъ, которые сами могутъ заботиться о своихъ дѣлахъ, взваливать все на одно лицо и, скорѣе какъ неразумныя дѣти, чѣмъ какъ взрослые мужи, довѣрять все защитѣ и власти того, кто ни въ какомъ случаѣ не можетъ выполнить взятыхъ на себя обязанностей и, вдобавокъ, еще хочетъ быть не слугой, а господиномъ!» ²⁾

«Богъ въ гнѣвѣ далъ евреямъ царя, и поставилъ имъ въ вину, что они просили Его объ этомъ» ³⁾. [Свободная нація не должна допускать надъ собой никакой наследственной власти, иначе она должна будетъ отказаться отъ своей свободы и сдѣлаться націей рабовъ ⁴⁾. Свободная нація можетъ быть только *республиканской*.

Вотъ почему, накануне надвигающейся реставраціи, Мильтонъ и считаетъ своимъ долгомъ предостеречь англійскій народъ противъ какой-либо попытки вернуться отъ республики къ старому строю: это значило бы надѣть на себя прежнія рабскія цѣпи, значило бы безплодно потратить столько силъ, столько напрасныхъ жертвъ ⁵⁾).

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предлагаетъ согражданамъ свой проектъ наилучшаго республиканскаго устройства, которое, по его мнѣнію, должно быть настоящимъ палладіумомъ свободы и всеобщаго счастья.

Сограждане Мильтона не пошли, однако, по предлагаемому имъ пути; ища отдыха отъ революціонныхъ

¹⁾ *The ready and easy way to establish a free common wealth*, l. c.

²⁾ *Ibid.*, l. c.

³⁾ *Ibid.*, l. c.

⁴⁾ *Ibid.*, l. c.

⁵⁾ *Ibid.*, l. c.

потрясеній, они вступили на дорогу реставраціи, и Мильтонъ остался съ своимъ проектомъ одинокимъ. Но англійскому народу вѣроятно, вообще не пришлось бы пожалѣть объ этомъ. Республика, о которой мечталъ Мильтонъ, съ ея пожизненнымъ верховнымъ совѣтомъ, избираемымъ многостепеннымъ голосованіемъ, вѣроятно же всего привела бы не къ земному раю, а лишь къ новому виду деспотизма; не пойдя за Мильтономъ, англійскій народъ только избавился отъ новаго разочарованія.

Говоря о республикѣ какъ наиболѣе совершенной формѣ государственнаго устройства, Мильтонъ между прочимъ указываетъ на то, что республика всего лучше обезпечиваетъ не только гражданскую, но и духовную свободу человѣка.

Здѣсь передъ нами выступаетъ другая сторона политической дѣятельности Мильтона. Онъ встаетъ передъ нами какъ борецъ за «права человѣка», за свободу совѣсти и слова.

«Свобода совѣсти—драгоценнѣйшее для человѣка благо» ¹⁾, котораго онъ не долженъ быть лишенъ ни въ какомъ случаѣ. «Каждому должно быть предоставлено вѣровать по его личному убѣжденію», и ни государство, ни церковь не должны вмѣшиваться въ область духовной свободы человѣка ²⁾. Поступать иначе значить «слѣдовать традиціямъ прелатовъ, старавшихся втиснуть свободную совѣсть и христіанскія вольности въ чловѣческіе каноны и правила» ³⁾.

«Я говорю это не потому, — замѣчаетъ Мильтонъ, — чтобы считать хорошимъ каждый легкомысленный расколъ или чтобы смотрѣлъ на все въ церкви какъ на «золото, серебро и драгоценные камни» — для человѣка невозможно отдѣлить пшеницу отъ плевеловъ, хорошую рыбу отъ прочаго улова; это должно быть дѣломъ ангела при концѣ свѣта. Но если всѣ не могутъ держаться одинаковыхъ убѣжденій, то кто досмотритъ, чтобы они таковыхъ держались? Въ такомъ случаѣ, безъ сомнѣнія, гораздо цѣлесообразнѣе, благоразумнѣе и согласнѣе съ

¹⁾ Ibid., l. c.

²⁾ *A treatise of civil power in ecclesiastical causes*, l. c.

³⁾ *Arcopagitica*, l. c.

христіанскимъ ученіемъ относиться съ терпимостью ко многимъ, чѣмъ подвергать притѣсненіямъ всѣхъ» ¹⁾).

И если бы «главной твердыней нашего лицемѣрія не было стремленіе судить другъ друга», то «сколько-нибудь благородная мудрость, сколько-нибудь снисходительное отношеніе другъ къ другу и хоть сколько-нибудь любви къ ближнему могли бы соединить и объединить въ одномъ общемъ и братскомъ исканіи истины всѣхъ преданныхъ ей» ²⁾. «Дайте мнѣ, поэтому,—восклицаетъ Мильтонъ,—свободу знать, свободу выражать свои мысли, а самое главное—свободу судить по своей совѣсти!» ³⁾

Замѣтимъ, однако, что Мильтонъ не проводитъ принципа вѣротерпимости до конца. Предоставляя свободу совѣсти протестантамъ, онъ рѣшительно отказывается въ ней католикамъ-папистамъ. Впрочемъ, къ этому побудили его чисто политическія соображенія: онъ смотрѣлъ на католиковъ исключительно какъ на опасную для государства политическую партію. Очевидно, Мильтонъ былъ правъ, сказавъ, что истина говорить иногда не своимъ настоящимъ языкомъ, а «примѣняясь ко времени».

Между памфлетами Мильтона, посвященными защитѣ духовной свободы человѣка, самымъ замѣчательнымъ является, безъ сомнѣнія, *Ареопагитика*, рѣчь къ англійскому парламенту о свободѣ печати.

О свободѣ печати писали многіе и много разъ, и все же трудно найти во всей европейской литературѣ другое сочиненіе, посвященное этому вопросу, которое бы съ такой силой одушевленія, съ такимъ краснорѣчіемъ и убѣдительностью доводовъ отстаивало великій принципъ свободы слова, съ такимъ негодованіемъ и сарказмомъ поражало его враговъ.

Ареопагитика была опубликована въ концѣ ноября 1644 г. и появилась при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Въ началѣ Долгаго парламента существовавшая до того времени цензура если и не была отмѣнена, то во

¹⁾ Ibid, I. c.

²⁾ Ibid, I. c.

³⁾ Ibid, I. c.

всякомъ случаѣ потеряла свое значеніе: книги печатались совершенно свободно, безъ какихъ-либо цензурныхъ стѣсненій. Какъ говоритъ Мильтонъ, «во время парламента это было прирожденное право и привилегія народа, это была заря новаго дня». Вскорѣ, однако, парламѣнтъ нашелъ этотъ порядокъ опаснымъ, такъ какъ появлялось не мало книгъ и памфлетовъ, направленныхъ противъ него и въ защиту низвергнутой королевской династіи. Къ этому присоединились жалобы компаніи книгопродавцевъ (Stationers' Company), которой ранѣе принадлежало исключительное право регистраціи прошедшихъ черезъ цензуру книгъ, чѣмъ обезпечивалась невозможность перепечатокъ и за отсутствіемъ чего стали страдать ея коммерческіе интересы.

Въ результатѣ 14 іюня 1643 года парламентомъ и былъ изданъ законъ, которымъ вновь устанавливалась строгая цензура и, «по старому обычаю», подтверждались права Stationers' Company.

Несмотря на изданіе новаго цензурнаго закона, Мильтонъ выпустилъ свое сочиненіе *О разводѣ* безъ представленія въ цензуру. По жалобѣ *Компаніи* онъ былъ привлеченъ къ суду, который, однако, не имѣлъ для него неблагопріятныхъ послѣдствій.

Этотъ процессъ и послужилъ для Мильтона вѣшнымъ толчкомъ, побудившимъ его написать свою безсмертную рѣчь о свободѣ печати.

Сомкнутыми рядами движутся доводы Мильтона противъ враговъ свободнаго слова; шагъ за шагомъ выбиваетъ онъ ихъ изъ плохо укрѣпленныхъ позицій и обращаетъ въ нестройное бѣгство. Созерцая эту борьбу, испытываешь высокое эстетическое наслажденіе—и невольно сожалѣешь, что врагъ, хотя лукавъ и вѣроломъ, но ничтоженъ и трусливъ.

Цензура бесполезна, цензура вредна, цензура унижаетъ человѣческое достоинство—вотъ главнѣйшія положенія, которыя Мильтонъ развиваетъ въ своей рѣчи.

Цензура бесполезна, потому что она не отвѣчаетъ своему назначенію. Она должна предотвращать зло, могущее произойти отъ свободнаго обращенія вредныхъ книгъ. Но какимъ образомъ она можетъ этого достигнуть? Вѣдь добро и зло растутъ въ этомъ мірѣ вмѣстѣ

и почти неразлучно другъ съ другомъ, и отличить ихъ одно отъ другого, вслѣдствіе обманчиваго сходства, бываетъ иногда столь же трудно, какъ тѣ смѣшанныя сѣмена, которыя должна была разбирать по сортамъ Психея. Что же будетъ дѣлать въ данномъ случаѣ цензура? Очевидно, или цензоры должны быть непогрѣшными,—или цензура должна отказаться отъ выполненія своей задачи.

Допустимъ однако, что цензура можетъ отличать добро отъ зла; она все же не въ состояніи препятствовать распространенію послѣдняго: зло проникнетъ въ міръ окольными путями такъ же хорошо, какъ если бы никакой цензуры не было совсѣмъ. Въ данномъ случаѣ дѣятельность цензуры напоминаетъ подвигъ того мудраго человѣка, который хотѣлъ поймать воронъ, заперевъ ворота своего сада. И это тѣмъ болѣе справедливо, что зло можетъ распространяться между людьми множествомъ другихъ способовъ, помимо книгъ. Поступая послѣдовательно, пришлось бы установить контроль рѣшительно за всѣми человѣческими дѣйствіями; а это, разумѣется, невозможно.

Вообще, говоритъ Мильтонъ, совершенно непонятно, «какимъ образомъ такое лукавое установленіе какъ цензура можетъ быть исключено изъ числа пустыхъ и безплодныхъ предпріятій».

Но цензура не только бесполезна, она прямо вредна. Чтобы исполнять какъ слѣдуетъ свое назначеніе, цензоры должны быть людьми выше средняго уровня. Но гдѣ отыскать подобныхъ людей для такого занятія какъ непрерывное чтеніе всякаго рода рукописей, изъ которыхъ добрая половина окажется, быть можетъ, никуда негодной? Кто изъ дѣйствительно свѣдущихъ и образованныхъ людей рѣшится тратить свое время на подобное занятіе? Никто, кромѣ явныхъ расточителей своего времени. А если это такъ, то легко представить себѣ, что за люди займутъ мѣста цензоровъ: «то будутъ люди невѣжественные, властные и нерадивые или явно корыстолюбивые».

Какъ зловредная ржавчина, они будутъ выѣдать изъ книгъ все то, что не соотвѣтствуетъ ихъ невѣжественному пониманію, или даже прямо подвергать книги

уничтоженію. Между тѣмъ «хорошая книга—драгоцѣнный жизненный сокъ творческаго духа, набальзамированный и сохраненный какъ сокровище для грядущихъ поколѣній».

Подобное отношеніе произведетъ, несомнѣнно, великое смѣненіе въ свободной республикѣ ученыхъ и, такимъ образомъ, цензура встанетъ на пути науки, препятствуя ея свободному развитію, задерживая и урѣзывая возможность дальнѣйшихъ открытій какъ въ духовной, такъ и въ свѣтской областяхъ.

Но и болѣе того: цензура встанетъ на пути самой истины, замедляя и затрудняя доступъ къ намъ этого самаго драгоцѣннаго для насъ товара и тѣмъ нанося намъ непоправимый ущербъ, такъ какъ «цѣлый рядъ вѣковъ часто не въ состояніи пополнить потерю отвергнутой истины».

Въ то же время для торжества истины цензура не принесетъ ни іоты пользы. «Ибо кто же не знаетъ, что истина сильна, почти какъ Всомогущій? Для своихъ побѣдъ она не нуждается ни въ политической ловкости, ни въ военныхъ хитростяхъ, ни въ цензурѣ; все это—уловки и оборонительныя средства, употребляемыя противъ нея заблужденіемъ».

И дѣйствительно, не за истину, а противъ нея въ концѣ концовъ сражается цензура. Становясь во всякомъ удобномъ мѣстѣ на пути свободного слова, она мѣшаетъ безпрепятственному движенію потока истины, и заставляетъ его застаиваться «въ тинистое болото однообразія и традицій». Она мѣшаетъ также самоотверженнымъ друзьямъ истины повсюду разыскивать отдѣльные члены ея дѣвственнаго тѣла, которое враги ея «разрубили на тысячу частей и разбросали на всѣ четыре вѣтра».

Наконецъ, цензура приноситъ вредъ даже и тѣмъ, что запрещаетъ вредныя книги. Надѣливъ человѣка рааумомъ, Богъ не считаетъ нужнымъ держать его въ положеніи постоянного дѣтства, подъ постояннымъ наблюденіемъ, и предоставляетъ ему полную свободу заботиться о своей умственной пищѣ.

И если для глупца какъ хорошая, такъ и дурная книги одинаково бесполезны, то для человѣка разум-

наго самая дурная книга можетъ служить источникомъ добра, ибо «мудрый человѣкъ, подобно хорошему металлургу, можетъ извлечь золото изъ самой дурной книги, какъ изъ шлаковъ». Запрещая дурныя книги, цензура вредить, поэтому, благоразумному читателю, не принося никакой пользы глупцу.

Мы должны, говоритъ Мильтонъ, «умѣть мудро управляться въ этомъ мірѣ зла»,—должны умѣть бороться со зломъ не цензурой или другими внѣшними средствами, а путемъ добродѣтельнаго воспитанія, путемъ религіозной и гражданской культуры. «Безнаказанность и нерадивость, безъ сомнѣнія, гибельны для государства, но въ томъ и состоитъ великое искусство управленія, чтобы знать, гдѣ долженъ налагать запретъ и наказаніе законъ, а гдѣ слѣдуетъ пользоваться исключительно убѣжденіемъ».

А что можетъ быть унижительно для человѣческаго достоинства установленіе цензуры?

«Какая выгода быть взрослымъ человѣкомъ, а не школьникомъ, если, избавившись отъ школьной фѣрулы, приходится подчиниться указкѣ *imprimatur*’а, если серьезные и стойшія не малыхъ трудовъ сочиненія, подобно грамматическимъ упражненіямъ школьниковъ, не могутъ быть выпущены въ свѣтъ помимо бдительнаго ока нерѣшительнаго или слишкомъ рѣшительнаго цензора»? Отдавать свое произведеніе, стоившее нерѣдко многихъ трудовъ и зрѣлыхъ размышленій, на судъ заваленнаго работой цензора, часто болѣе молодого, чѣмъ авторъ, часто не обладающаго достаточными критическими способностями, — это, поистинѣ, не что иное какъ безчестіе и униженіе для автора, для книги, для правъ и достоинства науки!

«Что же вы будете дѣлать, лорды и общины?» спрашиваетъ Мильтонъ: «наложите ли вы гнетъ на цвѣтущую жатву знанія, учредите ли вы надъ ней олигархію двадцати скушниковъ, и тѣмъ вновь заставите голодать наши умы, лишивъ насъ возможности знать что-либо сверхъ того, что они отмѣряютъ своею мѣрою?»

Мильтонъ не хочетъ думать этого и выражаетъ надежду, что парламентъ отмѣнитъ изданный имъ несправедливый законъ о цензурѣ и тѣмъ исправитъ свою